

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ЕРМОШИН Ф.А.
РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ «ФАКТИЧНОСТИ» И «ИСКРЕННОСТИ» В
«ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК СПОСОБЫ
ДИАЛОГА С АУДИТОРИЕЙ

МОСКВА, 2009 г.

Изучение публицистики Достоевского в наибольшей степени способно приблизить нас к пониманию рецептивного аспекта его творчества, поскольку в этом случае приемы воздействия на аудиторию выражены наиболее прямо, в концентрированной форме. Речевые стратегии автора в «Дневнике писателя» (далее – «Дневник», годы издания – 1873; 1876-1877; 1880; 1881) разнообразны по своим принципам и целям, и представляют собой перспективную область исследования. Однако «Дневник», равно как и сопутствующие ему тексты, до сих пор не подвергался в этом плане целостному, концептуальному анализу.

Сразу стоит оговориться, что различные стороны проблемы читателя в творческом сознании Достоевского, а также восприятие его произведений современной ему аудиторией не раз становились предметом научного интереса. В частности, накоплен довольно большой массив публикаций читательской почты «Дневника»¹. Существуют работы по проблемам общих установок Достоевского по отношению к читателю, специфических для его художественного творчества (С. Беленеску, К.Г. Исупов, Р.Г. Назиров и др.²), есть исследования, касающиеся важности литературного «успеха» в творческом сознании Достоевского (В.В. Сдобнов³). Кроме того, можно указать труды, посвященные тому, как в «Дневнике» моделируется структура и образ автора в соответствии с целью достичь особого контакта с публикой (П.Фокин⁴, В. Щурова⁵).

---

¹ Перечислим лишь некоторые публикации по этой теме: *Ансберг О.Н.* К истории восприятия творчества Ф.М. Достоевского студенческой молодежью 1880-х гг. // *Книжное дело в России во второй половине XIX – нач. XX вв.* Вып. 5. СПб., 1990; *Архипова А.В.* Достоевский в работе над «Дневником писателя»: (Из истории взаимоотношений Достоевского с читателями) // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 13. СПб., 1996; *Вассена Р.* «Вы не можете не сочувствовать нам, бедным студентам...» (Письма студентов к Достоевскому) // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 17. СПб., 2005; *Волгин И.* Письма читателей к Ф.М. Достоевскому // *Вопросы литературы.* – 1971. – № 9; *Ипатов С.А.* [Подгот. текста и комм.]. Из женского «эпистолярного цикла» архива Достоевского (А.О. Ишимова, О.А. Новикова, М.А. Поливанова) // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 13. СПб., 1996.

² См., напр.: *Беленеску С.* Образ читателя в творчестве Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 13. СПб., 1996; *Исупов К.Г.* Автор и читатель в текстах Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования.* Вып. 16. СПб., 2001; *Назиров Р.Г.* Проблема читателя в творческом сознании Достоевского // *Творческий процесс и художественное восприятие.* Л., 1978.

³ *Сдобнов В.В.* Об «эффектной идее» у Ф.М. Достоевского // *Литературное произведение и читательское восприятие: Межвузовский тематический сборник.* Калинин, 1982.

⁴ *Фокин П.Е.* Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876-1877 гг. Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.

В определенных отношениях продуктивной нам представляется попытка описания стратегий речевого поведения в «Дневнике», предпринятая О.В. Коротковой⁶. В её работе большое внимание уделено лингвистическому анализу текста, однако и здесь не ставится задачи комплексного описания взаимодействия *автора* и *читателя* в связи с теми или иными стратегиями.

Обычно исследователи исходят из достаточно узкого понимания рецептивной стороны художественного текста, что ведет к игнорированию ими ряда факторов, определяющих сложное взаимодействие автора и моделируемого им образа аудитории в «Дневнике».

Наш тезис состоит в том, что все основополагающие структурные элементы публицистики Достоевского нацелены на достижение максимального коммуникативного эффекта. Это касается не только прямых обращений к публике, но и множества творческих установок, которые автор реализует имплицитно. В этом плане коммуникативные принципы *фактичности* и взаимной *искренности* речи, постоянно декларируемые автором в этом издании, для Достоевского-публициста оказываются основополагающими.

Известно, что все завершённые произведения Достоевского, написанные после каторги и ссылки, создавались только в расчете на быструю публикацию. Писатель не считал возможным работать «в стол»⁷. Достоевский как литератор-профессионал всегда был нацелен на «сотрудничество» с публикой, на сокращение «дистанции» с адресатом, ему было свойственно стремление максимально ускорить выход текста в свет. Тем более эта авторская интенция характерна для его публицистики. Особенно важной задачей для Достоевского было создание в рамках «Дневника» особой атмосферы «сотрудничества» и доверительности

---

⁵ Щурова В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского как специфическая форма выражения авторской позиции // Журналистика – Реклама – Связи с общественностью: тезисы науч.-практ. конф. Воронеж, 2000.

⁶ Короткова О.В. Стратегии речевого поведения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.

⁷ См. об этом: Todd, Уильям М. III. Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, критика // Новое литературное обозрение. – №58. – 2002.

общения.

Писатель считал, что одной из проблем современного ему общества была неискренность: «...**ложь и фальшь**, вот что со всех сторон, и вот что иногда несносно» (23, 20)⁸.

Современные читатели, по мнению Достоевского, «**искренности и прямоты** более всего **жаждут** и **всего менее находят**»⁹. В печати той эпохи, также полагал он, не хватало свободы слова: субъекты общественной коммуникации не могли быть полностью открытыми в выражении своей позиции. По воспоминаниям А.А. Суворина, Достоевский утверждал: «Нам свободы необходимо больше, чем всем другим народам, потому что у нас работы больше, нам нужна **полная искренность, чтоб ничего не оставалось невысказанным**»¹⁰.

В «Дневнике» постоянно подчеркиваются уникальные достоинства этого издания в качестве площадки для «искреннего» диалога. В этом плане особую важность в поэтике журнала приобретает, во-первых, установка автора на особую «правдивость» высказывания. По Достоевскому, в арсенале действенных художественных средств **факт** обладает гораздо большей силой убеждения, чем **вымысел** (см., напр.: 22, 91-92).

Исследовательница О. Евдокимова верно замечает, что «...пафос “Дневника” в устремленности его автора убедить и уверить словом, сохраняя и подчеркивая при этом верность непосредственному жизненному материалу, идее факта»¹¹. «Факт»¹² (многозначное понятие в лексиконе

---

⁸ Тексты Достоевского цит. по изд.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Л., 1972-1990 (далее - ПСС). Вначале следует указание тома, затем страницы. В случае, если цитируется фрагмент из подготовительных материалов или рукописных вариантов к «Дневнику», вначале следует указание «ПМ» или «Варианты». В случае цитирования Комментариев к ПСС вначале следует указание: «Комм.». Выделено жирным везде нами – Ф.Е.

⁹ Цит. по: *Волгин И.* Письма читателей к Ф.М. Достоевскому. С. 174.

¹⁰ *Суворин А.А.* О покойном // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*. М., 1964. Т. 2. С. 420.

¹¹ *Евдокимова О.В.* Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX в. и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 8. Л., 1988. С. 179.

¹² Проблема «нефактичности» рассказанного также всегда обсуждается с читателем. См., например, в рассказе «Мальчик у Христа на елке»: «И **зачем же я сочинил** такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно **о событиях действительных!** Но вот в том-то и дело, мне всё кажется и мерещится, что всё это могло случиться **действительно**, - то есть то, что происходило в подвале и за дровами, а там об елке у Христа - **уж и не знаю, как вам сказать**, могло ли оно случиться или нет? **На то я и романист, чтоб выдумывать**» (22, 17).

писателя) в «Дневнике» то и дело демонстрируется как «удачный» повод для общения автора и читателя¹³, предстает способом инициировать процесс коммуникации¹⁴.

В частности, говоря о непонятности или сложности того или иного явления, повествующее лицо привлекает к нему внимание читателя, подчеркивая его загадочность (прием, типичный для публицистики Достоевского¹⁵): **«Все спрашивали и продолжают до сих пор спрашивать: что может означать этот факт?»** («Иностранные события», 1873; 21, 226). Сама действительность в «Дневнике» названа «страшной загадкой»: «...не от того ли загадка, что в действительности ничего не кончено, равно как нельзя приискать и начала, - всё течет и всё *есть*, но ничего не ухватишь» (Варианты, 23, 326). Автор «Дневника», очевидно, должен сподвигнуть читателя к совместному «разгадыванию» загадки. При этом, по верному замечанию П.Фокина, «сам писатель порой получал сведения из того же источника, что и читатель»¹⁶, и в «Дневнике» важен был именно совместный комментарий, отбор¹⁷, сопоставление фактов.

---

¹³ При этом, автор подчеркивает различие мнений в отношении к факту, а, кроме того, заранее оговаривает и возможное отрицание читателем-оппонентом факта как такового: «Таких фактов множество, будут десятки тысяч подобных фактов, и **никого ими не удивить**. Они означают лишь, что весь народ поднялся за истину, за святое дело, что весь народ поднялся на войну и идет. **О, мудрецы и эти факты отрицать будут**, как и прошлогодние; мудрецы всё еще, как и недавно, продолжают смеяться над народом, хотя и **заметно притихли их голоса**» (25, 95).

¹⁴ Например, Достоевский в письме 11 января 1877 г. благодарил читателя, сообщившего ему трагический случай самоубийства ребенка: «Это последний **факт** очень любопытен, и без сомнения о нем можно кое-что сказать» (25, 355). В рукописях автор сообщает о своем субъективном впечатлении: «Нас **поразил**, например, один **факт**, на который мало кто обратил внимание: стойкость и непомерность, доблесть рядом с крайним самоотвержением русского воина» (ПМ, 26, 184). Иногда сообщение факта могло облекаться в форму указания аудитории на его «эксклюзивность». Читаем в рукописях: «Я... написал теперь о Корниловой, потому что... **почел не лишним известить читателей об исходе [дела] его**. Тем более, что [ни одно издание] **никто, кажется, не сказал ни слова**... о заседании суда 22 апреля. И это очень странно, ибо **редко встречается дело более интересное**» (Варианты, 25, 298).

¹⁵ В статье «Среда», «как и в художественных произведениях, с целью – привлечь внимание читателя, побудить его к размышлению, явление преподносится в исключительно загадочном виде: "сплошь оправдывают", "всех подряд", "точно все сговорились" (21,13)». (Калинина О.В. Публицистическое и художественное в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // *Изучение литературы в вузе: учебное пособие*. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 60).

¹⁶ Фокин П.Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876-1877 гг. Ф.М. Достоевского. С. 104.

¹⁷ По верному замечанию О.Евдокимовой, газета, из которой можно почерпнуть «факты», т.е. прочитанное автором, и действительность оказываются в «Дневнике» приравнены (Евдокимова О.В. Проблема достоверности в русской литературе последней трети 19 в. и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. С. 188). Посредством сообщения газетного факта осуществляется контакт автора и аудитории, он служит тематической основой для диалога. Например, о деле революционной демонстрации на Казанской площади 1876 г. Достоевский писал: «О ходе процесса **мои читатели**, вероятно, уже знают из

Автор «Дневника» демонстрирует якобы лишь один из возможных взглядов на то или иное явление, и тем самым призывает читателя к соразмышлению. В частности, читаем по поводу «боязни России» на Западе: **«Не мне говорить, объяснят и без меня, но один факт удивителен»** (ПМ, 23, 197). Или, о «ревности» русского народа «ко всему покаянному, божественному»: **«...я не хвалю и не хую, я только констатирую факт, которым многое объяснить можно»** (25, 216).

При помощи «объективации» факта (который дан якобы без «субъективного» комментария), в «Дневнике» создавалась иллюзия, что позиции автора и читателя «уравнены» по отношению к обсуждаемому явлению¹⁸. Это сопоставимо с тем, как выстраивает речевую стратегию говорящий в устных речевых повествованиях, следуя принципу достоверности¹⁹: такой нарратив «часто сопровождается верификаторами, то есть особыми единицами, функцией которых является подтверждение реальности события и точности его изложения»²⁰. Как справедливо пишет О.В. Короткова применительно к «Дневнику», иногда создается иллюзия, что Достоевского «вполне удовлетворяет роль мемуариста, вспоминающего, свидетеля, собирателя и комментатора фактов действительности»²¹. Во многом, реагируя именно на этот принцип «достоверности» в «Дневнике», по замечанию И.Паперно, сами «читатели активно участвуют в деле, выдвигая вопросы и возражения и предлагая себя и свой жизненный опыт в качестве

газет» (25, 23). Большие выдержки из периодики писатель приводит, например, о процессе Джунковских (25, 182).

¹⁸ В других контекстах автор, наоборот, подчеркивает личностное отношение к «факту»: «Я возвратился в странном настроении домой. Роман обращался в факт, факт этот нашел соприкосновение...». (ПМ, 25, 247).

¹⁹ Типичны такие указания автора: «Конечно, интерес рассказанной истории, - если только в ней есть интерес, - лишь в том, что она истинная» (21, 41). Как точно замечает О.Евдокимова, «на страницы “Дневника писателя” событие могло попасть лишь потому, что оно случилось в жизни, было достоверно. <...> “Я помещаю здесь этот анекдот (кажется, совсем не идущий к делу) лишь потому только, что не имею поводов сомневаться в его достоверности” (22, 35)» (Евдокимова О.В. Проблема достоверности в русской литературе последней трети 19 в. и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. С. 178).

²⁰ Магнес Н.О. Риторико-метатекстуальные особенности устного бытового повествования // *Риторика монолога* / Под ред. А.И. Варшавской. СПб., 2002. С. 78.

²¹ Короткова О.В. Стратегии речевого поведения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. С. 49.

дополнительного материала в этом совместном исследовании фактов действительности»²².

Кроме того, судя по декларациям повествующего лица, каждый факт должен был судиться с позиций абсолютной искренности, причем именно взаимной с читателем. В первом номере «Дневника» за 1877 г. это свойство диалога с аудиторией автор объявляет, по сути, одним из главных правил общения: **«Повторяем: нам кажется, что теперь надо как можно откровеннее и прямой всем высказываться, не стыдясь наивной обнаженности иной мысли»**²³ (25, 6).

По наблюдению В.В. Щуровой, «искренность и прямота – важнейшие слагаемые публицистического стиля "Дневника писателя". Эти качества отчетливо видны во всех материалах "Дневника"»²⁴. Однако, на наш взгляд, точнее будет говорить о некоей речевой стратегии искренности автора по отношению к читателю в этом журнале²⁵ (т.е. об определенной условности, так же, как условно в нем и понятие «факта»). В творческом сознании Достоевского практически неизменно реализуется следующая формула:

верно замеченный «факт» + искренность при обсуждении «факта» = «эффект» (успех коммуникации)

Для иллюстрации приведем, на наш взгляд, характерный случай из мемуаров В.В. Тимофеевой (О. Починковской). Знакомясь в 1870-е гг. с письмом Кохановской о голоде в Малороссии, «Федор Михайлович говорил с добродушной усмешкой»:

«- Наивно это немножко. Но ничего. Зато пафосу много. И пафос у этой почтенной старушки не чета нынешнему: **настоящий, невыдуманный**. Теперь

---

²² Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 204.

²³ Этот декларативный призыв к всеобщей «прямоте» мог напомнить читателю исповедальную ситуацию в рассказе «Бобок» (1873, опубликован в качестве одного из выпусков «Дневника»), где герои кричат: «Заголимся и обнажимся!», подразумевая, опять же, особую взаимную искренность. Это является ещё одним доказательством того, насколько тема «искренности» и «откровенности» важна для многих коммуникативных ситуаций, которые моделирует Достоевский в своих произведениях – вне зависимости от их функциональной природы.

²⁴ Щурова В.В. "Дневник писателя" Ф.М. Достоевского: типология, жанр, антропология. Автореферат дисс. к. ф. н. С. 18.

²⁵ Подробнее об этой речевой тактике см.: Верещагин Е.М., Ротмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности» // Вопр. языкозн. – 1992. – №6.

это - большая редкость. И **это непременно произведет впечатление**. А если **произведет впечатление** - значит, и помогут голодному-то народу»²⁶.

Как видим, по мысли Достоевского, главное достоинство любой речи – «невыдуманный пафос» (т.е. сочетание *факта* и *искренности*). Это осознавалось писателем как своего рода универсальная писательская тактика, переводящая «слово» в «дело» (ср. в письме И.С. Аксакову от 3 декабря 1880 г.: «Всё-таки Ваша **статья** есть **уже не слово, а дело**», 30-1, 233). Точно таким же образом Достоевский объяснял «эффект» «Пушкинской речи» (1880), когда размышлял о причинах широкого общественного резонанса, который она вызвала:

...не заслугами своими произвела она это впечатление (я напираю на это), не талантливостью изложения (соглашаюсь в этом со всеми моими противниками и не хвалюсь), а **искренностью** ее и, осмелюсь сказать это, - некоторою **неотразимостью выставленных мною фактов**, несмотря на всю краткость и неполноту моей речи (26, 133).

Автор в «Дневнике» то и дело настойчиво подчеркивает, что он искренен и откровенен с читателем. К примеру, восприятие свойства речи автора как «искренней» имплицитно в сознание читателя благодаря подчеркнуто-личностным признаниям: «**Не могу, однако, не досказать** и иного чего, что мне тогда померещилось» (о воспитательном Доме) (23, 23). «Что до меня, то **я не потаю моих убеждений**, именно чтобы определить яснее дальнейшее направление, в котором пойдет мой "Дневник", во избежание недоумений, так что всякий уже будет знать заранее: стоит ли мне протягивать литературную руку или нет?» (22, 44). В этом плане характерны также прямые обращения к читателю типа: «Видите, **я начинаю с самых искренних слов**» (22, 56).

Итак, во многом указанная стратегия проявляется в обнажении собственной речевой логики перед читателем, оформленном в виде признания скрытых мотивов речевого поведения. Вот ещё несколько «говорящих» примеров. Первый – из вариантов программного текста об «оздоровлении корней»: «**Признаюсь**, я даже хотел бы сказать, что надо

---

²⁶ Тимофеева В.В. (О. Починковская). Год работы с знаменитым писателем // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 146.

совсем, совсем забыть про текущее, **но оробел** и не написал "совсем", а лишь наполовину» (Варианты, 27, 218). Второй – из судебного очерка: **«Я прямо сознаюсь в этом, потому что, может быть, оттого-то и написал так бесчувственно о "деле" г-жи Каировой»** (23, 27).

Следует заметить, что во фрагментах особой «искренности» общения с читателем автор «Дневника» каждый раз не сразу, а постепенно находит верный «тон», осознанно стремится говорить «прямее», что создает эффект речи, которая оформляется импровизационно, по ходу говорения. Например, повествующее лицо свидетельствует об общественном подъеме в связи с Балканской войной: «...Но что вдруг случилось нынешним летом, о том речь я оставлю до будущего "Дневника". Мне хочется поговорить об этом **уже без "юмора", а от всего сердца и попроще**. Что случилось нынешним летом, то - до того умирительно и радостно, что даже невероятно» (23, 161).

В речи повествующего лица «Дневника», помимо приведенных случаев, наблюдаются и различные вариации выражения данного мотива:

откровенность²⁷:

«...теперь, с лишком тридцать лет спустя, можно говорить **почти вполне откровенно**» (23,32).

наивность

«Со всей **наивностью** моей замечу...» (ПМ, 23,166).

простодушие

«Впрочем, не буду пускаться в какие-нибудь отвлеченности или в чувства, чтоб развить мою мысль. **Мне просто кажется**, что тут был даже как бы наизаконнейший повод оправдать подсудимую...» (23, 138).

«**Я не знаю, поймут ли, что я говорю** и пишу это вполне **простодушно**» (23, 321).

Ещё раз подчеркнем, что при всем обилии подобных авторских заверений интенция «говорить прямо» в «Дневнике» не является «спонтанным» решением, наоборот, это во всех случаях осознанный тактический ход. См., напр., в рукописях «Дневника»: «Черняев. **Боюсь хвалить, а хвалить хочется**, и хвалить и хвалиться. Надоело нам жить в цинизме. **Боишься хвалить** — до того недоверчив становишься к русскому»

---

²⁷ Ср. с высказыванием о Пушкинской речи в письме К.П. Победоносцеву от 25 июля 1880 г.: «Здесь уже высказываюсь окончательно и непокровенно, вещи называю своими именами» (30-1, 188).

(ПМ, 23, 178). Как пример рефлексии автора над собственной стратегией искренности в «Дневнике» мы расцениваем также следующее развернутое суждение Достоевского (по воспоминаниям Х.Д. Алчевской):

...я слишком наивно думал, что это будет настоящий дневник. Настоящий дневник почти невозможен, а **только показной, для публики**. Я встречаю факты и выношу много впечатлений, которыми очень бываю занят, - но как об ином писать? Иногда просто невозможно. Например: вот уже три месяца как я получаю отовсюду очень много писем, подписанных и анонимных, - всё сочувственные. Иные писаны чрезвычайно любопытно и оригинально, и к тому же всех возможных существующих теперь направлений.

По поводу этих всех возможных направлений, слившихся в общем мне приветствии, я и хотел было написать статью, и именно впечатление от этих писем (без обозначения имен). К тому же тут мысль, всего более меня занимающая: "в чем наша общность, где те пункты, в которых мы могли бы все, разных направлений, сойтись?" Но, **обдумав уже статью, я вдруг увидел, что ее, со всею искренностью, ни за что написать нельзя; ну, а если без искренности - то стоит ли писать?** Да и горячего чувства не будет²⁸.

Приведенный фрагмент, как нам кажется, показателен в нескольких отношениях. Во-первых, здесь прослеживается тесная взаимосвязь «факта» как «объективного» начала и «искренности» автора как «субъективного», которые вместе бросают «вызов» читателю-реципиенту вне зависимости от того, какой идеологической группе он принадлежит (различные «направления» слились в «общем... приветствии»). Во-вторых, судя по этому фрагменту, искренность неизбежно осознавалась писателем как «умышленный» художественный жест²⁹, нацеленный на достижение воздействующего эффекта особой силы. Ср. с размышлениями Достоевского в письме И.С.Аксакову от 28 августа 1880 г., где писателя волнуют те же вопросы: «...я сам нахожусь, во многом, в больших сомнениях, хотя и имел 2 года опыта в издании "Дневника". Именно в том: **как говорить, каким тоном говорить и о чем вовсе не говорить?**» (30-1, 214).

---

²⁸ Алчевская Х. Д. Достоевский // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*. М., 1964. Т. 2. С. 282.

²⁹ П. Фокин говорит о персонифицированном «я» рассказчика, которое «демистифицирует образ "демиурга" [т.е. некоего «всеведущего» автора – Ф.Е.], что в целях завоевания симпатий тоже немало важно: трудно сочувствовать тому, чья природа неясна. А когда читатель имеет возможность на место автора-«демиурга» через посредничество "я" рассказчика поставить образ Достоевского, то тут даже оппонент не может удержаться от выражения понимания такой позиции» (Фокин П.Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876-1877 гг. Ф.М. Достоевского. С. 85).

Таким образом, «оборотной стороной» стратегии искренности в диалоге с читателем оказывается стратегия умолчаний. Подчас в споре с читателем-оппонентом «недоговоренность» автору журнала представлялась более «выгодной», чем абсолютная прямота. Вот один из самых показательных контекстов такого рода из рукописей «Дневника»:

Скрывающий и недоговаривающий. О, недоговаривать ужасно важная вещь.

<...>

Тут я подразумеваю идею. **Беда, коли прямо выскажу. Не договаривать <?> лучше.** Я <нрзб.> собою. **Насмешек не боюсь и вашего тона свысока.**

А у вас тон свысока (начало).

<...>

Компетентен, чтоб ответить, и верую, что Россия может сказать свое слово в человечестве, и **это всем так смешно.**

(Высказать результат, всё не договаривать.)

<...>

Хотя в прошлом "Дневнике" моем я выразил эту мысль, может быть, слегка **обнаженно** (ПМ, 23, 184).

Сомнения автора нашли свое выражение и в опубликованном тексте «Дневника», чем был достигнут эффект финальной, «выстраданной» искренности. В других частных случаях умолчание создает эффект дополнительной интриги, оказывается локальным приемом воздействия на читателя: «— Я знаю тоже одну газету в Петербурге, которая говорит иногда недурные вещи, по крайней мере, в очень верном тоне, **но я не скажу, какая это газета: пусть всякая подумает, что это я про неё говорю**»³⁰.

Но несмотря на частные случаи игры с читателем в «недоговоренное», «прямота» высказывания, в конечном счете, осознается более выгодной тактически — именно в этом достоинство автора «Дневника» перед представителями других идеологических и эстетических систем: «Вообще либерализм и сатира: "О, если б мы могли... то такой бы идеал воздвигли, что весь мир бы засиял и озарился светом я, но... **нам не дают сказать, а потому - а потому мы только зубоскалим**"» (24, 305). Автор «Дневника»,

---

³⁰ Тарасова Н.А. [Публ. и примеч.] Неопубликованный отрывок рукописи к «Дневнику писателя» за 1876 год: (Подготовительные материалы) // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 16. СПб., 2001. С. 309.

противопоставляя себя оппонентам («либералам»), осознанно избирает путь «прямого» высказывания:

У меня большая ошибка в том, что я начал прямо с конца, сказал результат, последнее слово моей веры. **Беда до конца высказываться. Вот вы и глумитесь:** "Ах, дескать, об этом все стыдятся говорить, а он говорит; осмеять его!" **Недоговаривать лучше и выгоднее.** Всё писать, все намекать и никогда не высказываться: этим можно снискать большое уважение, даже можно, не имея ни одной мысли, прослыть мыслителем. **Да я-то этого не хочу** (23, 58).

Автор «Дневника» отвергает речевую тактику, свойственную его главным оппонентам (и тем самым демонстрирует, что «не будет играть по их правилам»). Он не приемлет «тон свысока» и подчеркивает, что беседует с читателем «на равных».

На наш взгляд, очевидно, что «искренность» как совокупность тактических ходов по воздействию на читателя осознавалась Достоевским не только как *эстетическая*, но и как *этическая* проблема. Он использует эффект «искренности» в целях убеждения читателя, шире – прагматических целях. Но также автор «Дневника» постоянно задается вопросом, не безнравственна ли создаваемая им коммуникативная ситуация, в которой повествующее лицо предстает исключительно «текстовой стратегией», т.е. совокупностью приемов, а соотнесенность «искренних» слов с реальностью оказывается как бы вне рассмотрения, за пределами восприятия³¹.

В публицистике и художественном творчестве Достоевского неоднократно рассматривается проблема прагматики искренности как речевой стратегии³². К примеру, Лебедев, герой романа «Идиот», признается, что для него «искренняя» речь является

---

³¹ Ср. с замечанием А.В. Зеленщикова: «Слово не всегда предназначается для того, чтобы быть услышанным другим ... оно может служить лишь средством самовыражения, хотя следует заметить, что в стремлении к "чистому" самовыражению есть доля, и часто большая, лукавства, что-то от риторического приема» (Зеленщиков А.В. Говорящий как творец монолога // *Риторика монолога* / Под ред. А.И. Варшавской. СПб., 2002. С. 32).

³² Ср. признанием Петра Верховенского Ставрогину в романе «Бесы»: «...я и решил окончательно, что лучше всего говорить, но именно по-бездарному, то-есть много, много, много, очень торопиться доказывать и под конец всегда спутаться в своих собственных доказательствах, так чтобы слушатель отошел от вас без конца, разведя руки, а всего бы лучше плюнув. Выйдет, во-первых, что вы уверили в своем **простодушии**, очень **надоели** и были **непоняты** - все три выгоды разом! Помилуйте, кто после этого станет вас подозревать в **тайнственных замыслах**? Да всякий из них лично обидится на того, кто скажет, что я с тайными замыслами. А я к тому же иногда рассмешу – а это уж драгоценно» (10, 176).

одновременно способом достижения определенных выгод³³: «Верите ли вы теперь благороднейшему лицу: в тот самый момент как я засыпал, *искренно* полный внутренних и, так сказать, внешних слез (потому что, наконец, я рыдал, я это помню!), пришла мне одна адская мысль: "А что, не занять ли у него в конце концов, после исповеди-то, денег?"» (VIII, 258).

С одной стороны, «неискренность» перед аудиторией, по Достоевскому, – это неверно выбранный «тон», т.е. то, что относится к *стилю* общения с читателем. В частности, Достоевский писал И.С. Аксакову 4 ноября 1880 г.: «Каков я есмь, таким меня и принимайте, вот бы как я смотрел на читателей. Заволакиваться в облака величия (тон Гоголя, например, в "Переписке с друзьями") – и есть неискренность, а **неискренность даже самый первый неопытный читатель узнает чутьем. Это первое, что выдает**» (30-1, 226-227)³⁴.

С другой стороны, область «искренного» взаимодействия с читателем-слушателем – это зона повышенной ответственности оратора. Достоевский очень часто вскрывает в «Дневнике» чужую речевую логику, нацеленную на достижение корыстного «эффекта» у слушателей, а значит, безнравственность самой идеологии соперника³⁵. Зачастую дополнительным приемом воздействия на читателя и завоевания его «доверия» становится разоблачение неискренности того или иного оппонента. См. высказывание автора «Дневника» об адвокате Спасовиче: «Может быть, всё сердце его обливалось слезами, когда он принужден был обижать ребенка и несть такой вздор... или нет? Или это только **играла лира?** Я думаю, что лира. Если б защищал противную сторону, **лира подсказала бы ему противоположные аргументы**, а он с таким же жаром пустился бы их расписывать» (24, 142).

Ср. с тем, как в другом месте журнала автор иронизирует над «талантливым» адвокатом, готовым отстаивать любую точку зрения из конъюнктурных соображений: «Очень **ловко. Искренность необыкновенная**. Нахохлившийся слушатель, заранее приготовившийся выслушать непременно что-нибудь очень хитрое, изворотливое, надувательное, и только что сказавший себе: "А ну, брат, посмотрим, как-то ты меня теперь надуешь", - вдруг поражен **почти беззащитностью человека**» (22, 57-58).

---

³³ Подробнее о различных аспектах этой проблемы см. работу: *Крещенова Ю.* Категории искренности и откровенности в романе Ф.М.Достоевского «Идиот». М.: МГУ, 2008.

³⁵ См. об этом, напр.: *Комарова Е. А.* Стратегия и тактика демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф.М. Достоевского: «Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы», «Братья Карамазовы»: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

Герой очерка «Маленькие картинки. В дороге» (1874), рассказчик в поезде, именно благодаря иллюзии искренности речи достигает сомнительного успеха у публики³⁶: «Всех, главное, поражает то, что **он никому не льстит, ни в чем ни у кого не заискивает, в слушателе решительно не нуждается**, подобно тому, как нуждается в нем какой-нибудь обыкновенный, бездарный болтун» (21, 162). Впоследствии становится понятно, что он «враль». В то же время, этот персонаж, так или иначе, в очерке предстает «застрельщиком» общего диалога: «...споры прекращаются; но стекло разбито, и **разговоры завязаны**. Даже и без разговоров всякий чувствует себя как дома, и всем вдруг стало совершенно свободно. А между тем всё благодаря таланту» (21, 165).

В свою очередь, это сопоставимо с тем, как автор «Дневника», заявляя принципиальную позицию журнала, говорит о «непредвзятости» своей точки зрения почти в тех же выражениях («никому не льстит, ни в чем ни у кого не заискивает, в слушателе решительно не нуждается»): «"Дневник писателя" **никогда не сойдет с своей дороги**, никогда не станет уступать духу века, силе властвующих и господствующих влияний, если сочтет их несправедливыми, **не будет подлаживаться, льстить и хитрить**» (25, 6). В рукописях эта декларация варьируется: «**Я ничего не ищу, и ничего не приму**, и не мне хватать звезды за мое направление» (ПМ, 27, 86). «**Не боясь сказал, дело гражданина. Я не получаю наград и не получу**» (ПМ, 27, 44).

При этом, цель, которую автор преследует в «Дневнике» – это запуск всеобщей коммуникации. Иначе говоря, он стремится достичь в гораздо большем масштабе того же результата, что и герой упомянутого очерка («...стекло разбито, и **разговоры завязаны**»).

Далее, этической проблеме искренности писателя перед читателем в «Дневнике» почти целиком посвящена статья памяти Н. Некрасова (1877). После цепи логических рассуждений по поводу «практичности» поэта автор журнала приходит к провокационному выводу:

...А если так, то совершенно приходится примириться с образом человека, который сегодня бьется о плиты родного храма, кается, кричит: "Я упал, я упал". И это в бессмертной красоте стихах, которые он в ту же ночь запишет, а завтра, чуть пройдет ночь и обсохнут слезы, и опять примется за "практичность", потому-де, что она, мимо всего другого, - и необходима. Да что же тогда будут означать эти стоны и крики, облекшиеся в стихи? Искусство для искусства не более, и даже в самом пошлом его значении, потому что он эти стихи сам похваливает, сам на них любит, ими совершенно доволен, их печатает, на них рассчитывает: придадут, дескать, блеск изданию, взволнуют молодые сердца. Нет, если всё это оправдывать, да не разъяснив, то мы рискуем впасть в большую ошибку (26, 120-121).

---

³⁶ Точно так же, в рукописях готовя сатирический проект «мечтателя, сумбуриста», автор, по видимости, с иронией замечает: «*Проект. Откровенность, прямота* и уже чистая, высшая *невинность. Сим победиши*» (ПМ, 27, 72).

Далее вновь возникает один из сквозных образов в творчестве Достоевского, актуализируемых в связи с проблемой искренности того или иного субъекта речи – образ оратора как «актера»:

...был ли наш Некрасов такой же самый **актер**, то есть способный **искренно** заплакать о себе и о той святыне духовной, которой сам лишал себя, излить затем скорбь свою (настоящую скорбь!) в бессмертной красоты стихах и назавтра же способный действительно утешиться... этой красотой стихов. Красотой стихов и только. Мало того: взглянуть на эту красоту стихов как на "практическую" же вещь, способную доставить прибыль, деньги, славу, и употребить эту вещь в этом смысле? (26, 123).

Конечным выводом в черновиках, однако, оказывается признание «искренности» Некрасова, несмотря на все сопутствующие противоречия: «...ты осмелился это сказать, а осмелился потому, что ты был **искренним**» (ПМ, 26, 206). При этом рассуждения о Некрасове дополнительно осложняются заявлениями автора «Дневника» о «прямоте» собственного высказывания: «**Правда** выше Некрасова, выше тех целей, которым служил он, выше всяких соображений, и **если б даже многим не понравилась, то всё равно говорю её**» (ПМ, 26, 194).

По нашему предположению, Достоевский в статье о Некрасове стремится выработать единые правила «честного» взаимодействия любого общественного лица и публики, сформулировать своеобразную этику «искренного» общественного диалога – универсальные критерии, применимые, в том числе, и к его собственному творчеству³⁷. «Противоречия» в позиции автора возможны, но они должны быть неподдельными, и в каждом конкретном случае читатель-реципиент имеет право «суда», именно он вправе оценить степень «искренности» и «фактичности» его речи – в конечном счете, его «правдивости». О Некрасове именно в этом смысле Достоевский писал: «...те тысячи, которые шли за гробом, **оправдали** его» (ПМ, 26, 194). Кроме того, автор «Дневника» в данной статье признает первенство «жизни» над «текстом», уже как бы вне сферы риторики: «Этот человек **как человек** оправдал себя» (26, 206).

Говоря об искренности как речевой стратегии в «Дневнике писателя», ставящей автора в позицию «равенства» с читателем, нельзя не заметить, что зачастую «искренность» авторской позиции означает для автора (и части его

---

³⁷ Ср. с критическим высказыванием П.Н. Ткачева: «Но может <...> Достоевский, оправдывая Некрасова, имел в виду совсем не его, а самого себя?» (*Ткачев П.Н. Литературные мелочи. Философские размышления о нравственности, нравственных идеалах и других мелочах // Современное обозрение. 1878. №6. Цит. по: Комм., 25, 348*). Об этом «самооправдании» Достоевского перед читателем размышляет исследовательница А. Пекуровская: «Автору "Подростка" надлежит убедить читателя в том, что и "бессмертной красоты стихи", и мечта о миллионе могли уживаться в одном и том же человеке: в Некрасове, в Версилове, в Подростке, в Достоевском» (*Пекуровская А. Страсти по Достоевскому. Механизмы желаний сочинителя. М., 2004. С. 485*).

реальной аудитории) отсутствие каких-либо партийных интересов, полную идеологическую свободу. Исследуя отклики на «Дневник», И. Волгин замечает, что «искренность и откровенность – эмоциональные оценки, и непричисляемы ни к одному из "направлений"»³⁸. Это свойство журнала осознавалось автором и частью аудитории как принцип, которому другие издания по разным причинам не следуют.

К примеру, именно благодаря «искренности» автора «Дневника» первый номер журнала за 1876 г. привлек внимание всех идеологических групп, хотя сам Достоевский сознавал, что не может угодить абсолютно всем: «И потому, хоть я и угодил иным и ценю, что мне протянули руку, ценю очень, но все-таки предчувствую чрезвычайные размолвки в дальнейших подробностях, ибо не могу же я во всем и со всеми быть согласным, каким бы складным человеком я ни был» (22, 42).

Точно так же ещё в 60-е, издавая журнал «Эпоха», Достоевский декларировал равенство статусов автора и читателя-оппонента, мнение которого редакция должна учитывать и уважать. Редакция журнала при этом также объявляла своей стратегией политику абсолютной внепартийности, что подчеркивалось в предисловии, обращенном к читателю:

Читатели наши увидят, что мы не придерживаемся никаких партий, никаких личностей. <...>

Пора наконец сознать, что человека или издание можно уважать и тогда, когда он или оно исповедуют противные мнения и убеждения. <...> Например, мы глубоко уважаем "Русский вестник" за **честность, прямоту и главное - храбрость своих убеждений**, хотя несколько не согласны с ним во многом (27, 151).

Нетрудно заметить, что в высказываниях идеологического соперника так же приветствовалась именно «честность» и «прямота», которые, по мнению автора, более всего необходимы для нормального общественного диалога.

«Искренний» автор в «Дневнике» имплицитно уподобляется в журнале самой России: «Россия хоть и не простячок, но **честный человек...**» (23, 113). Так в сознание читателя (и, в том числе, «прото-читателя» – цензуры) имплицитно вводится мысль о том, что «Дневник» проводит подлинно народную

---

³⁸ См.: Волгин И. Достоевский-журналист. М., 1982. С. 35.

позицию («он честен, как сама Россия»)³⁹. «Дневник» предстает формой, которая может осуществить идеальный диалог всех общественных сфер, поскольку автор, в каком-то смысле, уподобляется тому, проводником чьих ценностей является – народу⁴⁰ и лучшим представителям общества (ср.: «...честность, искренность нашего общества не только не подвержены сомнению, но даже бьют в глаза» (22, 41)).

В то же время, диалог в «Дневнике» выстраивается и с самым верхним звеном иерархической цепочки: «У нас прежде всего народ спросить и только **народ**. Он скажет всё своему **отцу**, а там... и т.д.» (ПМ, 27, 71). В этом смысле, «искренний» автор оказывается идеальным посредником между «искренним» народом, «искренним» обществом и «искренним» правительством⁴¹: «Народ чуток, народ слышал родной призыв и откликнулся. Народ ждет лишь **искренности сверху**, чтоб отозваться» (Варианты, 23, 342).

Таким образом, свойство «искренности» объединяет всех субъектов общественной коммуникации, представленных в «Дневнике» (активных и пассивных): «пора... **перестать спорить и всем между собою согласиться**. Да и исход-то несогласий наших столь явно теперь обозначен, ибо [состоит] [заключается] он лишь в **простодушном, нехитром, в братском, а главное, и безусловном, воссоединении с народом нашим...**» (Варианты, 26, 298).

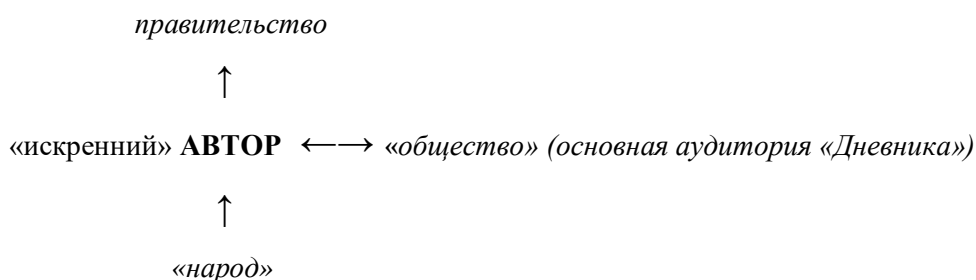
---

³⁹ Ср. с призывом автора к «простодушью» в «диалоге» с народом: «Будьте только **искренни и простодушны**; это лучше всякого "опрощения"» (25, 63). Но, по мысли Достоевского, осуществить диалог с народом может далеко не всякий говорящий, даже если он искренен: «Народ **искрен<него> чело<ека>** каким бы желал его видеть выслушает, если тот умен и толков, поблагодарит за совет даже, за науку, мало того, советом... воспользуется <...>, но своим не сочтет, руки не подаст ему, сердца своего не отдаст ему. А наша интеллигенция из чухонских болот прошла мимо. Сердится, когда ей говорят, что не знает народа // На свои силы. // Не так, как же **вы** с ним сойдетесь» (ПМ, 27, 64-65). В конечном итоге, автор в «Дневнике» предстает едва ли не единственным посредником между народом и властью – опять же, в силу своей искренности: «Народ, однако же, ждет только **искренности сверху** [он чуток к призыву и если услышит призыв **искренний**, то не только жертвует, но и рад пойти на жертвы]...» (Варианты, 23, 253).

⁴⁰ Ср. высказывание автора «Дневника» о народе: «А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки **простодушием и честностью, искренностью** и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении» (22, 43).

⁴¹ В «искреннюю» коммуникацию у Достоевского потенциально вовлечены все, даже ошибающиеся «новые люди»: «...я только то хочу заявить изо всей силы, что их влечет **истинное чувство**» (25, 57).

Идеальную коммуникативную модель, представленную в «Дневнике» (правомерно назвать её «социальной коммуникативной моделью») можно представить в виде простой схемы:

Писатель как общественная фигура, по мысли Достоевского, осуществляет функционирование «социального полилога» посредством издания «Дневника».

Образ всеобщей коммуникации, едва ли не основным свойством которой является всеобщая «искренность», мог показаться своеобразной художественной утопией. Однако именно это свойство журнала признавалось с наибольшей частотой в положительных откликах на журнал.

Во-первых, эту реакцию отмечал сам Достоевский: «Во всех этих письмах если и хвалят меня, то более всего за **искренность и прямоту**»⁴². Рассуждая о читательских откликах на тексты «Дневника», он также акцентировал именно эту черту образа своей публики: «Я... прямо считаю многочисленных корреспондентов моих моими сотрудниками. Мне много помогли их сообщения, замечания, советы и та **искренность, с которою все обращались ко мне**» (26, 126). Искренность, мыслит Достоевский, наделяет автора определенным «кредитом доверия» со стороны читателя: «"Дневник писателя" дал мне средство ближе видеть русскую женщину; я получил несколько замечательных писем: меня, неумелого, спрашивают они: "что делать?" Я ценю эти вопросы и **недостаток умения** в ответах стараюсь искупить **искренностью**» (23, 28).

---

⁴² Цит. по: Волгин И. Достоевский-журналист. С. 44.

Теперь приведем ряд реплик реальных читателей-реципиентов, которые актуализируют «искренность» как ключевую черту общения с читателем в «Дневнике» и подтверждают, таким образом, успешность рассмотренных коммуникативных стратегий. С.А. Венгеров писал в «Новом времени» (1876): «Г. Достоевский говорит обществу резкое, суровое слово, но это слово **искренне**, и поэтому к нему все невольно прислушиваются»⁴³.

«Искренность» автора «Дневника», понятая как «внепартийность», в восприятии В.П. Буренина (Новое время, 1878) выгодно отличала этот журнал от других изданий: «"Дневник" г-на Достоевского был таким оригинальным, а главное, таким **глубоко искренним изданием**, что он приобрел себе самые живые симпатии **не только у читателей**, но даже и **среди наших журнальных котерий, которые любят называть себя партиями**» (Цит. по: Комм., 25, 350).

В газете «Донская пчела» 5 февр. 1878 г. о «Дневнике писателя» было сказано почти в тех же выражениях: «...он говорит теперь с нами о задачах нашего времени **с искренностью человека, которому нечего скрывать**» (Цит. по: Комм., 25, 349).

Характерно, что некоторые оппоненты, в целом отрицательно отзывавшиеся о «Дневнике», тем не менее признавали эту черту писательского облика Достоевского как положительную. В частности, Г.А. Ларош, один из критиков «Дневника», который дал ему негативную оценку, писал: «Давно мы... не слыхали такого **откровенного слова**»⁴⁴. Ср. также с тем, как в полемике с А.Д. Градовским Достоевский замечал: «Недаром же меня называете хотя и болезненным парадоксалистом... но зато **искренним**» (Варианты, 26, 300).

Ср. с тем, что писал о причинах успеха Пушкинской речи Г.И. Успенский, также занявший позицию идейного оппонента Достоевского

---

⁴³ Волгин И.Л. Достоевский и русское общество: «Дневник писателя» 1876-1877 гг. в оценках современников // Рус.лит. – 1976. - №3. С. 130.

⁴⁴ Цит. по: Матюшкин А.В. Две апологии войны в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Ситуации культурного перелома: Материалы научно-теоретического семинара (24-26 апреля 1997 г.). Петрозаводск, 1998. С. 116.

(1880): «Как же было не приветствовать г-на Достоевского, который в первый раз, в течение трех десятков лет с **глубочайшею (как кажется) искренностью** решился сказать всем исстрадавшимся за эти трудные годы – "Ваше неумение успокоиться в личном счастье... – есть предопределенная всей вашей природой задача"» (Цит.по: Комм.; 26, 480).

На наш взгляд, ещё более показательное упоминание об «искренности» автора в письмах непрофессиональных читателей «Дневника», которые относились к выступлениям Достоевского критически. Корреспондент, подписавшийся «Человек, желающий быть им», в своем письме от 3 августа 1876 г. осуждал «националистические» статьи журнала, но делал это с характерной оговоркой: «Я верю в Вашу **искренность...**»⁴⁵.

Точно так же неизвестный («З») в письме от 19 марта 1877 г. выражал сожаление, что в «Дневнике» «...**искренняя, живая речь (такое редкое явление в печати)**... не попадает в цель, тратится по-пустому»⁴⁶, а себя аттестовал как «один из почитателей Вашего почтенного и **искренного** издания»⁴⁷.

Кроме того, сочувственный отклик «Дневник» зачастую встречал у представителей противоположного идеологического «лагеря» в среде молодежной аудитории, благодаря той же «искренности» его автора. К примеру, юный читатель А. Мер <...> в письме от 2 февраля 1877 г объяснял, почему такие люди, как он, стремятся написать Достоевскому. Подростки, говорилось в послании, прочтут слова Достоевского, и «...чувствуя их **правду, честность**, им захочется **высказаться...**»⁴⁸. На наш взгляд, подобные признания свидетельствуют, что принцип «искренней речи», которому автор следует в «Дневнике» – действительно успешная стратегия, нацеленная на отклик, побуждающая к ответному высказыванию.

В самом деле, «откровенность» и «прямота» речи осознавалась частью критики и публики как насущная потребность, запрос, на который возник

---

⁴⁵ Волгин И. Письма читателей к Ф.М. Достоевскому. С. 185.

⁴⁶ Там же. С. 188.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 189.

удачный ответ. В.С. Соловьев в письме Достоевскому 21 июля 1876 г. размышлял в связи со статьями писателя о событиях на Балканах:

Если ещё не дурацкая пресса, то, во всяком случае, **общество начинает желать откровенности и ценить её**, – а это ведь самое главное. <...> Ещё недавно говорить и писать в известной форме об известных предметах считалось **стыдным и смешным**. Тщательно скрывалось **все лучшее, простое и прямое**, что только есть в человеке <...> Восточный вопрос позволяет снимать душевные маски. <...>

Разумеется, быть может, и забудется заслуга тех писателей, которые первые стали говорить **откровенно, не заботясь о выгодности или не выгодности этого**. Но все же их пример найдет себе подражателей, и они будут способствовать к окончательному отрезвлению общества⁴⁹.

Как видим, в словах единомышленника Достоевского наличествует признание особой общественной функции «Дневника». Точно так же манера, в которой автор освещает в «Дневнике» нашумевшие судебные дела (заметим, что их рассмотрение в журналистике того времени зачастую подразумевало диалог по поводу самых наболевших общественных проблем), характеризуется многими читателями как позиция искренности и прямоты. Вот признание одного из корреспондентов насчет выступления Достоевского по поводу «дела Корниловой»: «Я... глубоко<ко> моментально уверовал, что Вы **искренно** желали бы... помочь Корниловой»⁵⁰.

Наконец, приведем пример признания «искренности» автора со стороны правительства (в каком-то смысле, «высшего» звена иерархической цепочки идеальной общественной коммуникации по Достоевскому). Начальник Главного Управления по делам печати В.В. Григорьев отправил 18 марта 1877 г. в Министерство внутренних дел следующую характеристику автора «Дневника»: «...Все, что выходит из-под его пера, проникнуто, сверх того, **полнейшею искренностью и добросовестностью**. Вследствие этого пользуется он высоким уважением **как у публики**, так и **между всеми литературными партиями**. <...> По моему мнению, влияние его на умы самое благотворное...» (25, 330).

---

⁴⁹ Цит. по: Волгин И. Письма читателей к Ф.М. Достоевскому // Вопросы литературы. – 1971. – № 9. С. 183.

⁵⁰ Волгин И. Письма читателей к Ф.М. Достоевскому. С. 193.

Заметим, наконец, что тон выступлений Достоевского перед слушателями, по воспоминаниям некоторых мемуаристов, также отличала особая «искренность»⁵¹, что содействовало определенному коммуникативному эффекту. М.А. Александров вспоминал:

Перед многочисленным собранием публики он чувствовал себя так же хорошо и держал себя так же свободно, **как бы в дружеском кружке**; публика в свою очередь, чутко отличая **искренность в его голосе**, относилась к нему **так же искренно, как к давно знакомому своему любимцу**, так что, в отношении тона, овации публики Федору Михайловичу существенно отличались от оваций какой-нибудь приезжей знаменитости из артистического мира вообще⁵².

На наш взгляд, такое восприятие реального облика автора вполне могло быть предзадано чтением «Дневника», исходя из постоянных деклараций «искренности» и «фактичности», осуществляемых в журнале. Аудитория выстраивала свой «горизонт ожидания» (по терминологии Х.Р. Яусса) относительно дискурса автора, в то время, как последний своими средствами настраивал её на рецепцию «Дневника» в нужном ему русле.

---

⁵¹ Вс. Соловьев, вспоминая Достоевского, писал, что последний «...всегда оставался чрезвычайно **искренним и безупречно честным** писателем» (Цит. по: *Смирнов В.Б.* Ф.М. Достоевский и русская демократическая журналистика 70-80-х гг. Волгоград, 1996. С. 124). В некрологе, написанном Н. Лесковым и опубликованном в 1881 г. в газете «Русь», говорилось, что Достоевский заявлял «с задушевной **искренностью**» о том, что «народу можно верить» (См.: Комм, 27, 301).

⁵² *Александров М.А.* Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*. М., 1964. Т. 2. С. 254.

Список использованной литературы

Источники

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Л., 1972-1990.
2. Александров М.А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*. М., 1964. Т. 2. С. 213-256.
3. Алчевская Х. Д. Достоевский // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*. М., 1964. Т. 2. С. 280-296.
4. Суворин А.А. О покойном // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*. М., 1964. Т. 2. С. 415-424.
5. Тарасова Н.А. [Публ. и примеч.] Неопубликованный отрывок рукописи к «Дневнику писателя» за 1876 год: (Подготовительные материалы) // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 16. СПб., 2001. С. 303-319.
6. Тимофеева В.В. (О. Починковская). Год работы с знаменитым писателем // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*. М., 1964. Т. 2. С. 122-185.

Исследования

1. Ансберг О.Н. К истории восприятия творчества Ф.М. Достоевского студенческой молодежью 1880-х гг. // *Книжное дело в России во второй половине XIX – нач. XX вв.* Вып. 5. СПб., 1990.
2. Архипова А.В. Достоевский в работе над «Дневником писателя»: (Из истории взаимоотношений Достоевского с читателями) // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 13. СПб., 1996.
3. Беленеску С. Образ читателя в творчестве Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 13. СПб., 1996.
4. Вассена Р. «Вы не можете не сочувствовать нам, бедным студентам...» (Письма студентов к Достоевскому) // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 17. СПб., 2005.
5. Верецагин Е.М., Ротмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности» // *Вопр. языкознания*. – 1992. – №6.
6. Волгин И. Достоевский-журналист. М., 1982.
7. Волгин И.Л. Достоевский и русское общество: «Дневник писателя» 1876-1877 гг. в оценках современников // *Рус.лит.* – 1976. - №3.
8. Волгин И. Письма читателей к Ф.М. Достоевскому // *Вопр. литературы*. – 1971. – № 9.
9. Евдокимова О.В. Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX в. и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 8. Л., 1988.
10. Ипатова С.А. [Подгот. текста и комм.]. Из женского «эпистолярного цикла» архива Достоевского (А.О. Ишимова, О.А. Новикова, М.А. Поливанова) // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 13. СПб., 1996.
11. Зеленищikov А.В. Говорящий как творец монолога // *Риторика монолога*. Под ред. А.И. Варшавской. СПб., 2002.
12. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
13. Исупов К.Г. Автор и читатель в текстах Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования*. Вып. 16. СПб., 2001.
14. Калинина О.В. Публицистическое и художественное в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // *Изучение литературы в вузе: учеб. пос.* Вып. 2. Саратов, 1999.

15. Комарова Е. А. Стратегия и тактика демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф.М. Достоевского: «Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы», «Братья Карамазовы»: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
16. Короткова О.В. Стратегии речевого поведения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. Дисс... канд. филол. наук. М., 2000.
17. Крещенова Ю. Категории искренности и откровенности в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Дипл. раб. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008.
18. Магнес Н.О. Риторико-метатекстуальные особенности устного бытового повествования // *Риторика монолога*. Под ред. А.И. Варшавской. СПб., 2002.
19. Матюшкин А.В. Две апологии войны в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // *Ситуации культурного перелома: Материалы научно-теоретического семинара (24-26 апреля 1997 г.)*. / Отв. ред. А.М. Сергеев. Петрозаводск, 1998.
20. Назиров Р.Г. Проблема читателя в творческом сознании Достоевского // *Творческий процесс и художественное восприятие*. Л., 1978.
21. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861-1863. М., 1972.
22. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999.
23. Пекуровская А. Страсти по Достоевскому. Механизмы желаний сочинителя. М., 2004.
24. Сдобнов В.В. Об «эффектной идее» у Ф.М. Достоевского // *Литературное произведение и читательское восприятие: Межвузовский тематический сборник*. Калинин, 1982.
25. Смирнов В.Б. Ф.М. Достоевский и русская демократическая журналистика 70-80-х гг. Волгоград, 1996.
26. Тодд, Уильям М. III. «Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, критика» // *Новое литературное обозрение*. – №58. – 2002.
27. Фокин П.Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876-1877 гг. Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
28. Щурова В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского как специфическая форма выражения авторской позиции // *Журналистика – Реклама – Связи с общественностью: тезисы науч.-практ. конф.* Воронеж, 2000.